АНДРИЕЦ Галина Алексеевна

канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andriets2005@list.ru

Межкультурные коммуникации в повседневной жизни дальневосточников (конец XIX – начало XX века)

УДК 947.05(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2017-2/91-96

В статье рассматриваются межкультурные коммуникации, процесс взаимодействия культур в повседневной жизни дальневосточных горожан разных национальностей, проанализированы музыкальная деятельность, а также выступления артистов-любителей, представляющих другие виды искусства. В условиях межкультурной коммуникации отмечено упразднение жёстких сословных различий, показано сближение русских и иностранных любителей. Рассмотрено влияние русской культуры на досуговую сферу китайской диаспоры в Благовещенске и Владивостоке. Отмечено развитие русско-японских культурных контактов. Автор приходит к выводу, что взаимодействие культур в повседневной жизни дальневосточников способствовало единению народов, укреплению разносторонних контактов, обогащению общенациональной культуры.

*дальневосточная
повседневная
культура,
межкультурная
коммуникация,
культурное
пространство,
нация,
музыкальная
деятельность,
культурный отдых,
любительство,
концерт,
собрание,
город*

Возможности культурной и межкультурной коммуникации в последнее время привлекают пристальное внимание исследователей. Анализ общественных процессов, связанных с культурой, обусловлен объективной сущностью человека, содержанием социального жизнеустройства. Культура любого сообщества людей одновременно представляет собой результат и процесс: хранение, освоение, создание и распространение духовных ценностей формирует определённое культурное пространство, характеризующее именно данное сообщество.

Культура рождается из потребности передать последующим поколениям опыт, нажитый предыдущими. А это значит, что она первоначально существует только внутри коммуникации. И поскольку все мы члены какой-либо этнической общности, культура изначально этнична. Могут существовать народы, живущие на одной территории, имеющие общую экономическую базу и говорящие на одном языке, но нет и не может быть двух народов с совершенно одинаковой культурой. Понимание другой культуры носителем иных традиций обеспечивается лишь глубоким проникновением на все её уровни.

Однако на современном этапе культурную специфику не следует понимать только в «этнографическом» смысле – как совокупность особенностей материальной и духовной культуры, сложившихся в прошлом. Речь идёт о достижениях того или иного народа в целом, о его особом вкладе в мировую культуру. Активные миграционные процессы новейшего вре-

мени коренным образом повлияли на возможности межнационального взаимодействия, что привело к изменениям в общемировом культурном пространстве, причём эти изменения затронули все сферы – от профессиональной до народно-бытовой.

В отечественной гуманитарной науке (культурологии, социологии, философии, этнологии) существует значительное число работ, посвящённых вопросам межкультурной коммуникации [11; 12; 14; 15; 16], но проблеме диалога культур в контексте истории культуры повседневности должного внимания не уделялось. Особый интерес вызывают региональные составляющие названной проблемы. В частности, в повседневной жизни дальневосточного региона на рубеже XIX – XX вв. наблюдалось расширение контактов, заимствование культурных ценностей и миграции людей из одной культуры в другую, что отражало главный смысл межкультурной коммуникации – адаптацию по отношению к другому и взаимодействие с ним с целью познания субъекта – носителя культуры.

Цель данной статьи – рассмотреть межкультурные коммуникации в повседневной жизни дальневосточных горожан разных национальностей в конце XIX – начале XX вв. Основное внимание уделим досуговой сфере, где происходило активное взаимодействие различных традиций, среди которых центральное место занимали восточнославянские, но заметную роль играло и культурное наследие западноевропейских иммигрантов, в первую очередь немцев. Остановимся также на повседневном отдыхе китайцев, проживавших в городах российского Дальнего Востока, и на русско-японских культурных контактах.

Система культурных взаимоотношений в дальневосточном регионе включала разные народы на основе принципа единства и многообразия. Социальная функция межкультурной коммуникации заключалась в формировании мнения, мировоззрения, реакции на значимые события общественной жизни. С конца 80-х гг. XIX в. заметную роль в культурной жизни региона стали играть представители украинской интеллигенции, что было связано с увеличением числа переселенцев с территории Малороссии. Большой известностью пользовался Украинский хор, созданный при Обществе народных чтений в декабре 1893 г. и ставший затем одним из ведущих любительских хоров Владивостока. Выступления этого коллектива, отличавшегося высоким исполнительским уровнем, пользовались успехом у горожан, как в составе спектаклей, так и самостоятельно [6; 7].

Со временем в программы многих концертов, спектаклей, литературно-драматических вечеров стали включать украинскую тематику. Так, 3 октября 1889 г. на вечере в зале Галецкого в музыкальном отделении с успехом прозвучали малороссийские куплеты «Був Грицько мудрий» [4]. С 1909 г. стали регулярно проводиться мероприятия, посвящённые памяти Тараса Шевченко; в программы входили народные песни и танцы, а также конкурсы на лучший национальный костюм.

Сочетание в одной программе номеров, представленных разными национальными культурами, можно считать характерной особенностью дальневосточного любительского искусства. Например, в феврале 1890 г. во Владивостоке на дивертисменте в исполнении хора сибирского флотского экипажа прозвучала кантата «Гой ты, Днепр», а

также любителями Медниковым и Горшаковым были исполнены русские и еврейские сцены, вызвавшие шумные аплодисменты [5].

Особая музыкальность, отличавшая украинских исполнителей, привлекала разнообразную публику. В связи с этим нельзя не отметить интересную программу в концертном зале «Гранд-Отель» под названием «Вечер в Малороссии». Артисты-любители выступали в оригинальных украинских костюмах. Музыкальное попурри из оперы «Запорожец за Дунаем» 14 октября 1911 г. с удовольствием принимало не только украинское, но и русское, белорусское население г. Никольска-Уссурийского [13].

В простонародном быту горожан также наблюдалось взаимодействие восточнославянских традиций. Во время праздничных гуляний звучали разнообразные плясовые наигрыши, исполнявшиеся под аккомпанемент гармони: русские «Барыня», «Светит месяц», «Казачок», «Камаринская», белорусская «Лявониха». В русской инструментальной традиции бытовал украинский репертуар: «Дощик», «Ой, не ходи Грицу», «У соседа хата бела» [1, с. 46].

Национальная тематика присутствовала и в детском творчестве. Следует отметить, что молодые дарования особенно серьёзно относились ко всему, что исполняли на сцене. Так, на литературно-вокально-музыкальном утре в пользу детского приюта, проводившемся в 10-м женском одноклассном городском училище г. Владивостока 6 марта 1916 г., из обширной программы публика отметила успешное исполнение ученицей Л. Снарской «Мисяцю ясный» из оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем» и чтение Е. Плотниковой стихотворения Никитина «Выезд ямщика». Не остались без внимания отлично подобранные голоса детского хора и сыгранный оркестр балалаечниц, в исполнении которых прозвучали русские мелодии «Выйду ль я на реченьку», «Во саду ли в огороде», «Ах вы, сени мои!» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 24-а. Л. 12–12а, 9 об.). Не были исключением и литературно-вокально-музыкальный вечер того же училища, состоявшийся 13 февраля в театре «Золотой Рог», и спектакль-концерт 13 мая 1916 г. в Пушкинском театре, где в достаточно насыщенной программе ученицами Зоей и Ниной Трусовыми были удачно исполнены малороссийский танец, Н. Мироновой, О. Пирожковой, Е. Машковой и А. Костенко – русский танец, Е. Плотниковой, В. Растрепиной, Н. Мироновой и Е. Машковой – английский матросский танец (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 24-а. Л. 5 об., 6, 6 об., 17 об.).

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что на рубеже XIX – XX вв. качество и разнообразие свободного времяпрепровождения стало существенным критерием в оценке культуры повседневности как для отдельной личности, так и для общества в целом.

Наряду со славянским населением в городах Дальнего Востока проживали подданные западноевропейских государств. Владивосток оказался удачным местом для приложения сил иностранных предпринимателей, среди которых было немало немцев, принимавших активное участие в культурной жизни города. По данным местной периодики, в октябре 1886 г. «впервые выступил на эстраду немецкий мужской хор под управлением г-на Петерса», состоявший из представителей торговых фирм Германии. Несмотря на скромные вокальные данные участников хора, впечатление у слушателей осталось хорошее.

В печати отмечалась высокая культура исполнения и «внимательная подготовка» к концерту [2; 17, с. 102]. Долгое время о немецком хоре ничего не было слышно. Есть основания полагать, что многие его участники в дальнейшем вошли в состав певческого кружка «Лира», который был организован в 1894 г. при поддержке владивостокских купцов и меценатов А.В. Даттана, Я.Л. Семёнова, А.К. Вальдана и др. Они не только выделяли средства на работу кружка, но и построили специально для этого любительского общества здание, включавшее зрительный зал на 200 мест. Один из учредителей кружка Адольф Васильевич Даттан (1854–1914), купец первой гильдии, совладелец торговой фирмы «Кунст и Альберс», член городской Думы, в 1902 г. в знак признания за поддержку искусства был выбран в почётные члены Певческого кружка [17, с. 102–103].

В 1908 г. в Благовещенске большой популярностью пользовался дамский венско-немецкий оркестр под управлением оперного артиста капельмейстера Длюгоша, первое выступление которого состоялось в ресторане «Италия» [10]. В январе 1909 г. в помещении Владивостокского Певческого кружка выступал итальянский квинтет. Концерты проходили при участии известного пианиста Генриха Келлера [8]. После 1917 г. музыкальную жизнь дальневосточных городов разнообразили иностранные военные оркестры: оркестр чехословацких войск под управлением Ванека и Большой симфонический оркестр информационно-просветительского отдела чешских музыкантов под управлением композиторов Р. Кареля и Г. Франека [1, с. 68; 9, с. 101]. Выступления зарубежных исполнителей способствовали развитию местных музыкальных сил [3].

Многообразие коммуникативных уровней, составляющих системы функционирования искусства, позволяло реализовать ценностные ориентации разных групп общества, что поддерживало его дифференциацию. Вместе с тем происходило упразднение жёстких сословных различий, и на рубеже XIX – XX вв. особенностью городского общения становится нейтрализация сословных признаков участников коммуникации и демократизация самого процесса общения.

Совершенствование досуговой сферы на уровне повседневной культуры способствовало более эффективной организации жизни общества, помогало сохранить его единство и целостность как на групповом уровне, так и во взаимодействии с другими сообществами. В связи с этим необходимо отметить особенности повседневной жизни китайских общин, доминировавших в системе «жёлтого труда» дальневосточных городов. Отходники из Поднебесной способствовали экономическому развитию региона, но их вклад в культуру оставался минимальным. Китайские кварталы представляли собой особый мир, где располагались опиекурильни, дома терпимости, комнаты для азартных игр. Тем не менее, со временем происходила интеграция иммигрантов в городское культурное пространство.

Культурно-зрелищные китайские мероприятия привлекали публику всех национальностей. Так, в 1900 г. во Владивостоке в китайском театре ставились пьесы «Первый император Сунской династии» и «Последствие безумной любви». На представлении в числе зрителей были и европейцы. В ходе подготовки организаторы не забыли даже отпечатать программы с текстом содержания постановок. Для

русской публики были выделены специальные ложи и четыре ряда кресел (ГАПК. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 14. Л. 17; Д. 11. Л. 40).

В культурной жизни горожан важную роль играли общественные организации, объединявшие людей по интересам, так называемые «собрания» – общественное, военное, морское, коммерческое и пр. В начале XX в. по тому же образцу стали создаваться общественные собрания для китайского населения. Попытка организации Китайского национального общественного собрания во Владивостоке в 1908 г. не дала положительного результата, но «Маньчжурский клуб в Харбине» и «Китайский клуб на станции Пограничная» функционировали достаточно успешно. По их примеру 9 сентября 1917 г. на заседании Благовещенской Городской Думы (запись в журнале заседаний 222-4) было решено открыть в китайском квартале города Общественное собрание (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 8). Его членам предоставлялась «возможность за дешёвую плату иметь приятное и полезное развлечение» (25 руб. в год разрешалось вносить 2 раза: в январе и в июле) (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 4, 11 об.). В собрании имела библиотека книг и периодических изданий, музыкальные инструменты. Для членов и гостей культурного учреждения устраивались литературные вечера с лекциями по вопросам науки и искусства, промышленности и сельского хозяйства, благотворительности и нравственности, ставились спектакли. Разрешались все русские и китайские коммерческие игры: преферанс, безик, лото, домино, китайские четыре палочки, четыре точки и кости. Однако азартные игры, например, русский штос, род банковки, китайская банковка, рулетка и проч., в собрании не допускались (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 12). Можно предположить, что таким образом организаторы пытались ограничить тягу китайцев к азартным играм.

Любые национальные культуры, наряду со спецификой, имеют общечеловеческое содержание, что обеспечивает возможность диалога. Взаимодействие культур – особый вид отношений, обогащающий и отдельную личность, и сообщество в целом, однако такое взаимодействие затрудняется, как мы видели, принадлежностью участников процесса не просто к разным культурам, но к разным цивилизациям.

Япония на протяжении длительного времени оставалась закрытой для европейцев. Русско-японская война 1904–1905 гг. заставила по-новому взглянуть на восточного соседа, учитывая и тот факт, что в дальневосточных городах численность японцев заметно увеличилась. В XX в. появились новые формы культурной активности, позволяющие больше узнать о странах, ранее считавшихся экзотическими, в том числе о Японии. Большую работу в этом направлении проводило Владивостокское общество «Приморский экскурсант», организовывая познавательные экскурсии в соседние страны. Например, в 1914 г., путешествуя по Японии, экскурсанты «совершили поездку в Нару, посетили два знаменитых храма, в одном из которых видели священный танец «Одари», в другом любовались грандиозной фигурой Дайбутсу», в Киото «совершили прогулку по главной улице и посетили кинематограф», который вызвал интерес не как таковой, а как «место, где можно было наблюдать живую японскую толпу». Посещение парка Маруяма, зоологического сада, фарфорового завода, где «для экскурсантов продемонстрировали весь процесс производства фарфоровых изделий», а также «путешествие на лодках по р. Хоцукова»

вызвали живой обмен впечатлений (ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 323. Л. 1). В целом беседы о Японии, ежедневные прогулки в свободные вечера и «даже открывшийся среди экскурсантов шахматный турнир» способствовали взаимопониманию, а своеобразие национальной культуры и природного богатства соседнего государства оставляло незабываемое впечатление.

О пробуждающемся интересе японцев к русской культуре свидетельствует тот факт, что в 1916 г. оркестр народных инструментов Хабаровского реального училища в количестве 30 человек под руководством старшекурсника Ю. Тимофеева побывал на гастролях в Стране восходящего солнца, где с успехом выступил в Токио, Нагасаки, Иокогаме. Приглашение музыкального коллектива из России косвенным образом подтверждает признание Японией достижений России в освоении дальневосточных рубежей [1, с. 52].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в дальневосточных городах наблюдалось активное присутствие творческих сил представителей разных национальностей, что, с одной стороны, обеспечивало сохранность традиций каждого народа, а с другой, способствовало формированию многонационального пространства региональной культуры, при доминирующей роли русской культуры. Мультикультурализм как объективная реальность может считаться характерной особенностью повседневной жизни дальневосточников.

Литература

1. Барашок И.В. История народно-инструментальной музыкальной культуры юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало 90-х гг. XX в.): дис ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2007. – 240 с.
2. Владивосток. 1886, 12 окт.
3. Владивосток. 1888, 31 июля.
4. Владивосток. 1889, 8 окт.
5. Владивосток. 1890, 11 февр.
6. Владивосток. 1893, 12 дек.
7. Владивосток. 1896, 14 янв.
8. Дальний Восток. 1909, 8 янв.
9. Королёва В.А. Музыкальная культура Дальнего Востока России. Кн. первая: На рубеже эпох (1880-е – 1917) – (1917–1920-е). – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 272 с.
10. Листок объявлений (Благовещенск). 1908, 11 мая.
11. Могилевич Б.Р. Межкультурная коммуникация в системе социологического знания: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. – Саратов, 2010. – 43 с.
12. Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2003. – 49 с.
13. Приморский край. 1911, 14 окт.
14. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М, Инфа-М, 2013. – 288 с.
15. Сивков А.В. Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2010. – 23 с.
16. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 336 с.
17. Чулкова С.Б. Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX вв.). – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. – 220 с.